

Другая смерть, неожиданная и нелѣпая, — смерть Юрія Бѣляева. Какъ журналиста, чрезвычайно остроумнаго и оригинальнаго, его можетъ быть далеко не всѣ знали. Но значительно больше знали, какъ беллетриста, какъ автора «Барышень Шнейдеръ», разошедшейся во множествѣ тысячъ экземпляровъ по всей Россіи. А еще больше, вѣроятно, знаютъ, какъ драматурга. Маленькія, изящныя, чрезвычайно стильныя вещицы Юрія Бѣляева, какъ «Пугачица», «Дама изъ Торжка» и другія шли больше въ столицахъ. Но зато его «Поиша» обошла всю Россію и всюду пользовалась большимъ успѣхомъ.

Былъ онъ въ жизни большой эстетъ, поклонникъ всего прекраснаго, любитель чистаго искусства, и никогда нигдѣ не смѣшивался съ толпою. Первые шаги его литературной дѣятельности были трудны, но за то потомъ быстро пришла извѣстность, популярность, матеріальная обеспеченность и все то, что даетъ устоять. Какъ театральнѣй критикъ Юрій Бѣляевъ не имѣлъ соперниковъ. И до какой степени остроумно и оригинально, никогда не повторяясь, подходилъ онъ въ разборъ каждой ньюсъ и къ игре артистовъ. Дарованіе его было чрезвычайно разнообразно и каррикатуры, появлявшіяся въ столичной печати за подписью Юса-Вельного, всегда были полныю самымъ тонкаго юмора. И вотъ нужно же было человѣку, въ расцвѣтѣ лѣтъ и таланта, погибнуть такъ нелѣпо, споткнувшись о ступеньку и ударившись головой при паденіи на какой-то плохо освѣщенной лѣтнице.

Какъ жаль, когда такъ безвременно гибнутъ талантливые люди.

Долго-ли помнить ихъ тѣ, которые поклонялись имъ при жизни?

И мнѣ невольно припоминается страничка изъ петроградской жизни, лѣтъ ильть тому назадъ.

Умерла молодая, чрезвычайно талантливая, яркою звездочкою засіявшая на театральномъ горизонтѣ артистка Вадимова. Лучшая «Поиша» въ Россіи. «Поиша»-то и создала ей славу. И вдругъ подкралась ужасная, нелѣпая смерть и оборвала молодую, такъ много обѣщавшую жизнь.

На сороковой день ея смерти, Юрій Бѣляевъ публиковалъ во всѣхъ газетахъ о панихидѣ на Вадимовой въ Казанскомъ соборѣ. Въ качествѣ поклонника таланта угасшей артистки ѣду на панихиду. По дорогѣ думаю, вспоминаю ея успѣхъ, тѣ толпы поклонниковъ и поклонницъ,

которые неизмѣнно бѣсновали. тогда каждый вечеръ, «Поиша» шла изо дня въ день весь составъ, не снимаясь, — вотъ-де будетъ тѣснота и давка въ церкви. Впечатлѣніе еще слишкомъ свежо и много явится народа почтить память такъ недавно умершей доставлявшей своею игрою такъ много искренней радости и юнаго счастья.

И вдругъ—такая картина. Панихида самая торжественная, освѣщеніе. Полный прекрасный хоръ пѣвчихъ, а восторон.—только насъ двое: Юрій Бѣляевъ, да вашъ покорный слуга. Вы понимаете, больше ни души. Къ концу подошли только три какія-то барышни, очевидно, кулиски. Даже жутко какъ-то стало, когда служитель сталъ раздавать восковыя свѣчи. Раздавать буквально было некому.

Панихида кончилась...

— Что-же это такое?—спросилъ я Ю. Д. Бѣляева. Гдѣ-же всѣ эти безчисленные, восторженственныя толпы поклонниковъ и поклонницъ ея таланта?

Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Такъ всегда, очевидно, бываетъ. И такъ измѣтчива и непрочно память объ ушедшихъ сердцахъ человѣческихъ.

И стало чрезвычайно грустно и тяжело...

Могъ-ли думать кто-нибудь тогда изъ насъ, что пройдетъ немного лѣтъ и цвѣтущій жизнерадостный авторъ «Поиши» въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта сойдетъ тоже въ могилу.

Отъ такой глуши и нелѣпой случайности.

ЗАПЯТАЯ.